

DOI: 10.46698/f6902-2685-5764-f

ИСТОРИЯ, ФОРМИРУЮЩАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: АЛАНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В КНИГЕ А. Н. КОДЗАЕВА «ДРЕВНИЕ ОСЕТИНЫ И ОСЕТИЯ»

С. А. Айларова

Книга А. Н. Кодзаева «Древние осетины и Осетия» (1903) была первой специализированной монографией по истории Осетии. Автор, отвечая на социальный запрос осетинского общества, вставшего на путь национальной консолидации, попытался представить целостную картину истории предков осетин, историю аланского христианства, а также историографию Осетии, эпос, мифологию, традиционную религиозную систему. Кодзаев опирался на богатую историографию истории и культуры алан-осетин, труды В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, В. Б. Пфафа, Ю. А. Кулаковского, этнографическую и религиозно-литературную, накопленную к началу XX в. Кодзаев характеризует традиционную религиозную систему осетин, древний иранский монотеизм, пишет о соотношении в духовной культуре осетин традиционной религии и христианства. Вслед за Миллером автор проводит интересные параллели между нартовским эпосом и сведениями письменных источников об иранских предках осетин. В книге представлена история аланского православия, предложена научная периодизация христианизации алан. Кодзаевым сформулирован плодотворный тезис о глубокой связи и взаимообусловленности становления и развития аланской государственности и аланского православия в X–XV в. Автор отстаивает положение о глубоком проникновении христианства в ткань культуры аланского общества, евангелизации населения средневековой Алании, ставшей частью византийского культурно-цивилизационного пространства. О степени христианизации аланского населения свидетельствуют разные источники, приводимые автором: письменные, данные археологии, этнографии и фольклора. Высокий статус аланской епархии, ставшей митрополией, отраженный в notiциях Византийского патриархата, монументальное храмовое строительство, письменность, христианское изобразительное искусство — все свидетельствует о процветавшем в средневековье христианском обществе и государстве алан. Христианство, проходящее через всю историю алан с начала новой эры, является важнейшим компонентом осетинской духовно-культурной традиции. Оно должно стать основой современного развития осетинского этноса и его культуры — таков вывод историка и просветителя.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Алания, А. Н. Кодзаев, православие, аланская митрополия, народное христианство.

Важнейшим средством формирования национального самосознания является история. Национальное самосознание неразрывно связано с обретением национальной идентичности. Рост интереса людей к истории своего народа, национальным корням, ценностям и традициям, потребность в вос-

становлении культурного прошлого — важнейший показатель роста национального сознания, рождения нации.

Для Северного Кавказа начала XX в. характерны процессы нациообразования, консолидации этносов. В переходную нестабильную эпоху (а начало XX в. для региона было таким временем) на-

роды задаются вопросами о своем существовании в истории, о смысле своего исторического бытия. Для молодой осетинской нации вторая половина XIX — начало XX в. были временем огромного культурного подъема, стремления к просвещению, новой жизни, формирования современного менталитета. Осетинская интеллигенция, отвечая на запрос времени, познает настоящее своего народа, определяет его место в существующей реальности, в том числе, в значительной степени, в процессе познания прошлого, понимая, что только на этой основе можно строить планы на будущее, конструировать его.

Исторический труд А. Н. Кодзаева «Древние осетины и Осетия» был во многом ответом на вызовы времени, ответом на вопрос о национально-этнической и конфессионально-цивилизационной идентичности осетин, удовлетворяя потребность формирующейся нации в самоидентификации [1]. Церковный администратор и реформатор, педагог и публицист православной направленности Кодзаев определял яркий христианский образ этнической и цивилизационной идентичности своего народа. Это заметно было и в результатах его административной деятельности, и по его четкой позиции защитника православной модели начального образования в Осетии [2; 3].

Александр Николаевич Кодзаев — один из ярких представителей осетинской просветительской интеллигенции начала XX в., оставил творческое наследие, включающее прежде всего замечательную книгу, освещающую христианскую историю алан-осетин («Древние осетины и Осетия»), и ряд статей педагогической направленности. В советское время его труды не изучались и не переиздавались. Сам просветитель представлялся «одним

из наиболее видных идеологов буржуазного национализма в Осетии», придерживавшимся «открыто монархических взглядов», и определялся по своим «общественно-политическим взглядам деятелем реакционно-монархического направления» [4, 54-55]. В применении к творчеству Кодзаева осетинская историография следовала идеологическим установкам и методологическим подходам советского периода, когда на деятелей консервативного направления российской общественной мысли был навешен ярлык «махровых реакционеров». Кодзаев был ярким представителем консерватизма как особого духовного феномена, опирающегося на идею культурно-конфессиональной и социальной преемственности. Ценность национальной культурной традиции, эволюционный характер общественного развития, незыблемость порядка — государственного, общественного, ментального, нравственное воспитание общества — эти основы консервативного мышления ярко представлены в творчестве и деятельности этого осетинского просветителя, получили в его личности какое-то особое национальное воплощение.

В постсоветский период первыми обратились к исследованию творчества А. Н. Кодзаева ученые-педагоги. В работах С. Р. Чеджемова [5], Н. О. Блейх [6], В. В. Авдоляна [7] рассмотрены общественно-педагогические взгляды просветителя. Однако главный труд его жизни — историческое исследование «Древние осетины и Осетия» — обойден вниманием кавказоведов. До последнего времени господствовали в общественном сознании оценки советской историографии, где жестко констатировалось, что «работа имеет ряд отрицательных моментов, которые сводят на нет ее научное и позна-

вательное значение». Это прежде всего «буржуазно-национальный» характер работы, отсутствие «строгой методологии в расположении и изложении материала», «наличие... многочисленных антиисторических положений по ряду важнейших вопросов осетинского исторического процесса» и т. п. В итоге делался вывод: «Указанные отрицательные стороны книги Кодзаева были причиной тому, что она среди передовой части осетинской интеллигенции не нашла поддержки и распространения в народе» [8, 355-356]. К «передовой части» осетинской интеллигенции относились, как правило, леворадикальную ее часть, увлеченную марксистскими идеями. Эта интеллигенция, не слишком многочисленная, но очень активная, действительно, встретила деятельность и публикации консерватора Кодзаева в штыки. Травля и гонения, обрушившиеся на просветителя, вынудили его в 1906 г. навсегда покинуть Осетию и Кавказ и обосноваться в Петербурге, где он был назначен директором гимназии, а затем служил в Департаменте инословных исповеданий [2, 7-8].

Надо отметить, что просветитель получил хорошее по тем временам образование. Юный Александр Кодзаев начал обучаться в церковно-приходской школе с. Гизель, затем продолжил учебу в Кадгаронской школе (1887-1889). Одаренного мальчика заметили, и при помощи и на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе он учится в Ардонском осетинском духовном училище (с 1890) [9, 344]. На средства Общества в 1895 г. он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1902 г. со степенью кандидата богословия.

В 1903 г. Кодзаев возвращается в Осетию и занимается административ-

ной и педагогической деятельностью. Он наблюдатель церковно-приходских школ, преподает во владикавказских гимназиях, активно публикуется в терской печати [10; 34; 11, 1]. В это же время он готовит к печати историческую монографию «Древние осетины и Осетия», работа над которой началась в период учебы в Санкт-Петербургской духовной академии.

В ходе революционных событий 1905 г., а затем в послереволюционные годы в российском обществе усилились антиклерикальные настроения; ожесточенной критике подвергались все сферы деятельности православной церкви, особенно в области просвещения. Широко распространились негативные оценки работы церковно-приходских школ, они обвинялись в архаичной методике преподавания, оторванности от требований современности, сервилизме и бюрократической отгороженности от общества [12, 13; 13, 9]. Подобные оценки присутствовали и в северокавказской прессе. Радикально настроенные публицисты отказывались в будущем этому образовательному институту в Осетии ввиду несовременности, несоответствия педагогическим требованиям и вообще индифферентности осетин к православию [3, 16].

Кодзаев принял участие в развернувшейся газетной полемике, предложив объективно оценить исторические заслуги церковно-приходской школы в культурном развитии осетинского общества. Приходская школа, по его мнению, основательно «перестроила» традиционный осетинский социум, сформировав в нем категорический образовательный императив, за полвека фактически решив проблему всеобщего обучения [3, 14].

Проблема церковно-приходских школ, их будущего в осетинском обра-

зовательном пространстве была частью более фундаментальной проблемы — укорененности христианства на осетинской почве, православия как определяющей части национально-культурной традиции.

Ответом на этот запрос времени стал главный труд Кодзаева. У книги была сложная драматическая судьба (как и у ее автора). Прочно забытая на столетие, монография была между тем значимым, рубежным для своего времени исследованием. Хотя большей частью современной автору общественности она воспринималась как грамотная компиляция, не более. В 1906 г. в «Этнографическом обозрении» в библиографической заметке отмечалось: «Данные по истории Осетии, известные до сих пор в науке, изложены полно в недавно вышедшей книге» [14, 174]. Да и сам Кодзаев подчеркивал, что при подготовке труда руководствовался прежде всего миссионерскими и популяризаторскими побуждениями — «соображением возможно сжато го выражения и приведения в известность путем цитаций лучших пособий». Между тем, современный исследователь М. Э. Мамиев обосновывает глубоко «содержательный» характер книги, подчеркивая, что «А. Н. Кодзаев представил не компиляцию дилетанта, а самостоятельное исследование, выполненное на довольно высоком для своего времени научном уровне» [15, 28-29].

Как первая специализированная монография, посвященная истории Осетии, книга разнопланова и многоаспектна. В ней рассматривается историография изучения Осетии, этногенез осетин, традиционная религиозная система, эпос и мифология, история древнего аланского православия. Используя и обобщив большой массив существовавшей на тот момент научной

литературы и ряд источников, Кодзаев опирался на теоретические и методологические положения академических трудов В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, В. Б. Пфафа, Ю. А. Кулаковского. Сама задача обобщения в цельном труде масштабного корпуса исследований и источников была безусловно *научной задачей*, но Кодзаев поставил и ряд самостоятельных проблем. Задача популяризации имеющихся данных также была важна, не случайно автор собирался распространять свой труд как учебное пособие в школах Осетии [16, 47]. Академическую научную информацию предполагалось сделать доступной широкому кругу читателей и обывателей и рассматривать как общепризнанный ментальный факт древность, историчность и укорененность в Осетии аланского православия.

Именно этим стремлением сформировать некий общественный консенсус, консолидированное мнение о глубокой историчности христианства в Осетии и в соответствии с этим выстроить культурно — конфессиональную политику, эта работа вызвала такое неприятие и негатив со стороны леворадикальной интеллигенции. В советской историографии оценки ужесточились. Эта ситуация с творческим наследием первого осетинского историка сохранилась до последнего времени.

Труд А. Н. Кодзаева посвящен вопросу генезиса осетинского этноса и роли христианства в истории Алании-Осетии. В соответствии с этим текст распадается на два смысловых, тематических блока. В первом освещается проблема этнокультурной идентичности осетин, во втором — собственно история христианства алан. В первом блоке, включающем проблему этногенеза осетин (иранскую этническую традицию), анализ монотеистической религии осе-

тин, семейный и общественный быт — автор опирается на академические разработки В.Б. Пфафа, В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского. Много здесь и собственных наработок автора — особенно в области мифологии и народной религии осетин, религиозного синкретизма разных верований. Второй блок — несущий, это собственно цельный очерк христианской истории Алании-Осетии.

Во «Введении» к своему труду автор, указывая на значительные достижения осетиноведения за предшествующие столетие, писал о необходимости осмысления всех накопленных фактов об истории Осетии в рамках гуманитарных областей знания — мифологии, фольклористики, религиоведения, этнографии, археологии. Обобщенное научное представление о прошлом Осетии, ее этнокультурных корнях, позволит осетинам, опираясь на свою самобытность, всесторонне развиваться, вступая во взаимодействие с другими народами и культурами. «Мотив предприятия внушен нам... духом времени, — писал Кодзаев. — Осетия делом заявляет о себе и с этим приходится считаться — как с фактом, правильное понимание и разрешение которого возможно только путем восстановления его связи с предшествующей историей народа. В национально-культурном движении история служит тем зеркалом, в котором народ может видеть лучшее отображение своего физиономии» [1, II].

Отметив исключительное богатство литературы об Осетии, историк писал, что «осетины с начала прошлого столетия подверглись всестороннему изучению, и имя их заняло в современной русской и иностранной печати почти такое же место, какое занимали предки их у писателей-классиков, древних географов и историков». Однако историче-

ское осетиноведение к концу XIX века было лишь в начале своего становления — «...из этой литературы на долю истории приходится самая незначительная частица» [1, II]. Во многом это было связано с научным поиском проблемы этногенеза осетин — этого «фундамента осетинской истории». Вопрос об иранском происхождении осетин — «принципиальный вопрос», который «проливает свет положительно на все стороны исторической жизни» Осетии, — был окончательно решен лишь в последние десятилетия XIX в.

В кратком обзоре автор проследит основные вехи этногенетических предположений (гипотез) и штудий. Так, он отмечает академика И.А. Гильденштедта, совершившего путешествие по Кавказу в 1770 и 1773 гг., и высказавшего соображение о тождестве осетин и половцев, потерпевших поражение от русских войск в 1110 г. на Дону, и бежавших на Кавказ [17]. Несколько более основательной Кодзаев находил концепцию В.Б. Пфафа, уделившего внимание целому ряду проблем истории и этнологии Осетии [18-20]. Пфаф считал осетин потомками древних сармат, но это верное положение дополнялось фантастической версией о смешении в этногенезе осетин древне-иранского начала с семитским компонентом в XV в. до н. э. Такими же поверхностными и неоправданно «смелыми» находил Кодзаев и многие историко-юридические параллели из осетинского быта и уклада жизни семитских народов, проведенные Пфафом. Как историографический курьез упоминается гипотеза немецкого ученого Гакстгаузена придерживавшегося германской теории происхождения осетин [1,5]. Однако наиболее научно-основательной, перспективной оказалась теория о генетической связи осетин с аланами, одним

из северо-иранских народов древности, которой с I в. н. э. прочно локализуется на Северном Кавказе. Первым в этой историографической традиции историк выделяет востоковеда Ю. Клапрота, выдвинувшего положение о связи осетин с аланами [21]. Как отмечает Кодзаев — «он прочно стоял на почве лингвистической», считая «необходимым изучение осетинского языка» [1, 6]. На этноязыковую основу прочно опирался академик А. М. Шёгрэн, создатель первой грамматики осетинского языка [22]. И, наконец, подлинным научным событием стало появление «Осетинских этюдов» выдающегося русского ученого В. Ф. Миллера. До появления этого замечательного труда «мнение об иранстве осетин не выделялось между другими мнениями» [1, 6]. Сумев обеспечить своим выводам солидную источниковую базу, Миллер убедительно доказал положение о принадлежности осетинского языка к «иранской группе индоевропейской семьи», и что предки осетин «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до Р. Хр., под именем сарматов и отчасти скифов...» [23, 100-101]. Кодзаев также подчеркивал, что именно Миллер впервые высказал предположение, что осетинский язык принадлежит к северо-западной ветви иранской группы языков; это помогло ученому обнаружить лингвистическую родину предков осетин — «в северной части древнейшей территории, занятой иранцами, приблизительно на север от Оксуса и Яксарта в степях в Средней Азии» [23, 100]. Указывал Миллер и на путь, по которому северные иранцы двигались из Азии в Европу, в причерноморские и приазовские степи — «именно: между Каспием и Уралом» [23, 101].

Специально остановился автор на работе Миллера «Черты старины

в сказаниях и быту осетин», где сопоставляются данные осетинской этнографии, материалы нартовского эпоса со сведениями письменных источников о скифах, сарматах, аланах [24]. Выявленные Миллером параллели были еще одним аргументом в решении вопроса этногенеза осетин и разработки некоторых вопросов истории Осетии. В свою очередь Кодзаев также предложил ряд параллелей в области археологии, этнографии, фольклора, мифологии осетин и культурой древнеиранских народов. Все архаизмы в культуре демонстрировали, на его взгляд, огромную глубину исторической перспективы осетинского народа [1, 9-47]. При этом параллели проводились на материале двух диахронных традиций в осетинской культуре — иранской и кавказской (кобанской).

Также историк рассмотрел осетинский традиционный пантеон, подчеркнув присутствие в религии осетин «идеи о едином Боге». Это верховное божество — «творец мира... справедливый, грозный судья». «Его власть простирается на всю вселенную, но в частности ни одно явление не находится под его особенным покровительством» [1, 24]. Отметив, что древняя религия осетин, весь сонм ее сакральных фигур, сохранились, несмотря на влияние монотеистических религий — «ни одно божество языческого культа осетин не пропало бесследно» — он попытался выявить в духовной культуре соотношение традиционной религии и христианства. Так, например, по его мнению, мифологическая основа и культовая практика святых осетинского пантеона — Фалвара, Афсати, Донбеттыра и др. — не испытали никакого влияния христианства и уходят в глубины культуры индо-иранского или кавказского

мира. Напротив, в культуре Уастырджи (св. Георгий), Уацилла (св. Илья) Мады Майрам (Богородица Мария) явственны христианские черты; при этом речь идет о главных, наиболее почитаемых святых осетинского пантеона. Не все доводы и замечания просветителя корректны и убедительны, особенно в свете современных исследований, но сама попытка такого анализа ценна. Вопрос природы традиционной религии осетин не сводился для него к выявлению роли, значения и взаимодействия компонентов христианства с язычеством. Так, он отмечает влияние также и зороастризма на культ мертвых, культ домашнего очага и другие стороны обрядовой и культовой практики осетин [1, 44].

В той части книги, где освещается христианская история Алании-Осетии, главная историографическая опора — блестящие исследования русского ученого Ю.А. Кулаковского, сравнительно недавние для того времени и еще не ставшие «общезначимыми» для общественного сознания. Это прежде всего «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (1899) и «Христианство у алан» (1898) [25; 26]. И здесь можно указать на самостоятельную задачу, поставленную автором — рассмотреть социально-воспитательное влияние христианства на жизнь народа на протяжении многих веков бытования православия. Этой задачи не ставил Кулаковский — его интересовала событийная канва и официальные институты христианской истории алан. Замечательно у Кодзаева это стремление увидеть влияние христианства на живую и динамичную этнокультурную среду, внутри которой происходили исторические события, и которая развивалась дальше. Сам автор выразил это в следующих словах

«Нам нужно было не только показать, что существовала в Осетии проповедь христианства (внешняя сторона дела), но и то — какие были плоды этой проповеди, не забывая при этом постепенность роста» [1, IV]. Отметим в качестве методологического принципа исследования строгий историзм, системность и многоаспектность изложения. Работа «требовала от нас, — писал Кодзаев, — во-первых, последовательного, без скачков, изложения естественного исторического роста народа в христианстве, во-вторых, всестороннего рассмотрения жизни под влиянием данного фактора... В такой постановке тема является совершенно новой во всей литературе об Осетии, именно — в своем требовании последовательности во времени и всесторонности в объеме» [1, IV].

«Всесторонность в объеме» обеспечивалась использованием практически всей доступной тогда литературы: от уникального источника — «Епископа Феодора «Аланское послание», до работ русских и грузинских хронистов и историков церкви, свидетельств путешественников в современных автору переводах, множества разбросанных по различным периодическим изданиям статей.

Еще один плодотворный тезис, который историк последовательно провел в своей работе: единства истории аланского христианства и истории аланской государственности. «Историки последовательно игнорируют при объяснении событий гражданской истории явления церковной жизни, уделяя им едва заметное, так сказать, мимоходное место. Между тем, сама жизнь выставляет факты обратного свойства: мы замечаем, что рядом с постепенным усилением политической силы Осетии развивается и церковное дело; высший рас-

цвет политического могущества в лице единоподданного царя Осетии ознаменовался и церковным торжеством, выразившимся в открытии особой митрополии. Падение царского могущества сопровождалось также закрытием митрополии и медленным вымиранием христианства. Это параллельное движение гражданской и церковной жизни *бесспорно свидетельствует* о внутренней органической связи их между собой.

Имея это обстоятельство в виду, мы дали должное место событиям гражданской истории и этим устранили ненормальное разграничение органического целого, т.е. христианизации народа с централизацией страны. Эти две стороны проникнуты внутренним единством и взаимно питают друг друга» [1, III].

К достоинствам работы следует отнести и научную периодизацию истории христианства в Алании-Осетии, тесно связанную с гражданской историей страны. Всего Кодзаев выделил четыре периода:

I — период подготовительный (до конца IX в.)

II — Осетинская (Аланская) епархия с X в. по 1453 г.

III — падение христианства с 1453 по 1746 г.

IV — восстановление христианства с 1746 г. по настоящее время.

В основе периодизации — рубежные события мировой и аланской истории, связанные с формированием важных христианских институтов. Крещение Алании Кодзаев относит к началу X в. (в полном согласии с Ю.А. Кулаковским). В 1453 году падение Византийской империи под напором турок-сельджуков повело к исчезновению связанной с Константинополем аланской епархии. 1746 год — начало

миссионерской деятельности Осетинской духовной комиссии. Комментирую принципы своей периодизации, автор писал: «Мы, конечно, далеки от той мысли, чтобы приурочивать деление к пределам определенных кратковременных сроков. Историческое явление вовсе не так просто, чтобы его с удобством разделить на части; оно развивается постепенно в течение десятков и сотен лет и переживает в своем поступательном движении фазисы, иногда очень продолжительные. Постепенность этого развития неизбежно оттеняет их друг от друга многолетними промежутками, которые зовутся переходными эпохами, переходным состоянием. Последние часто отпечатываются на страницах истории такими фактами, которые служат для нас тем, чем верстовые столбы для путников в незнакомой стране. Открытие Осетинской (Аланской. — С. А.) епархии и учреждение правильно организованной русской миссии служат для нас такими показателями, с помощью которых мы всю массу исторического, не всегда ясного, материала раскладываем на части в известном направлении к намеченной цели» [1, 50].

По мнению автора, в долгой, сложной, героической, полной трагизма истории алан именно христианство было той историко-духовной традицией, которая придала ей смысл, логику, красоту. «В этом печальном повествовании есть страницы, составляющие гордость угрюмых сынов гор... К таким светлым страницам, без сомнения, относится постепенное усвоенное народом христианской культуры, так сказать — христианизация народа, проходящая через всю его историческую жизнь, претерпевающая в своем развитии то благоприятные, то неблагоприятные условия» [1, 58].

Опираясь на историографические источники, Кодзаев попытался представить общую картину христианизации предков осетин-алан, а заодно и сделать выводы о степени проникновения православия в самую историческую ткань аланского социума, в нравственную жизнь не только кавказского аланского общества, но и в духовные основания культуры всего аланского этноса, волею истории разбросанного в первом тысячелетии нашей эры на огромных пространствах Запада и Востока.

Первые века новой христианской эры проходят для аланских племен в непрерывных войнах, набегах и завоеваниях. Церковная традиция связывать начало христианизации Алании с апостольской проповедью Андрея Первозванного отвергается Кодзаевым сразу (и здесь он опирается на исследования современных ему историков русской и грузинской церкви). Условий восприятия христианских истин для воинственного народа, живущего племенным строем, еще не было. «Могла ли при таких тревогах зародиться какая-нибудь культура, в особенности христианская, требующая по глубокому своему нравственному содержанию особенного спокойствия?» — писал Кодзаев. Но дальнейшие драматические для всей аланской конфедерации события (начиная с IV в.), контакты и взаимоотношения с уже христианизированными народами изменили ситуацию. В ходе Великого переселения народов, аланы, дошедшие с гуннами до Европы, встретились с христианством уже на территории Рима и Византийской империи. Кавказские аланы подвергались определенному христианскому влиянию с V в. и со стороны уже принявшей православие Грузии и со стороны Византии, которая через свои форпосты — Крым и Северо-За-

падный Кавказ — осуществляла последовательную миссию, добиваясь, в том числе и политических целей [27, 7-127]. Так что историк свидетельствовал о достаточно раннем знакомстве алан с христианством.

Однако эпизодические проникновения элементов христианства в Кавказской Алании сменяются целенаправленной акцией на уровне межгосударственных отношений с Византией, благодаря вызревшим внутренним социально-политическим условиям. «Всякий более или менее сильный народ для национально-культурного прогресса нуждается в объединении, в таком центре, вокруг которого развивалась бы национальная жизнь, — центре, связывающем, — как некоторый цемент, отдельные направления жизни, сообщая им единство и последовательность» [1, 72]. Вставшая на путь формирования, а затем укрепления государственности Алания, нуждалась в новой идейно-культурной силе, идеологической надстройке для обоснования государственного механизма и царской власти. Такой духовной силой становится православие, акт принятия которого в начале X в. знаменует новый период в истории Алании, ставшей частью восточно-православной византийской цивилизации. Как показывает Кодзаев, блестящий для аланской государственности и церкви период X-XII вв. характеризуется политической и военной мощью аланской правящей элиты, имевшей международное влияние и широкие династические связи, занимавшей самые высокие позиции и статус в иерархии православных государей византийского нобилитета [1, 73-88]. Укрепляется церковная организация Алании, прошедшая путь от архиепископии до митрополии в составе Константинопольского патриархата, разво-

рачивается монументальное храмовое строительство. Аланские митрополиты входили в состав высших иерархов византийско-православной церкви, совершали путешествие в Константинополь, участвуя в работе Вселенских церковных соборов.

Несмотря на трагические для аланской государственности события периода татаро-монгольского нашествия, Аланская епархия существовала до XIV века после нескольких столетий господствующей ортодоксии, с XV века аланская культурно-православная традиция продолжала жить в рамках «народного» христианства, которое и было зафиксировано русскими миссионерскими организациями в ходе интеграции Осетии в российскую государственность с конца XVIII века.

Охарактеризовав основные вехи истории аланской государственности и церкви, Кодзаев приступает к оценке «внутреннего состояния христианства в стране алан ... к форме и степени проникновения христианства в жизнь народа» [1, 86]. О глубине христианизации населения Алании можно было судить «по уцелевшим отрывочным известиям писателей, по остаткам христианских обычаев в жизни осетин и христианским памятникам» [1, 87]. Так, он приводит свидетельство константинопольского патриарха Николая Мистика и епископа Феодора о принявших православие аланах, европейских путешественников XIII-XV вв. Рубрука, Исафата Барбаро, Лаоника Халкондиласа о аланах-христианах, чтущих крест и воскресный день, имеющих священников и письменность. Принятие православия не ограничилось крещением только аристократической элиты, а охватило все аланское общество. «Несмотря на последовавшее мусульманское влияние, следы христианства доселе живы

во всех сторонах жизни осетин, как религиозной, так и общественно-семейной. Это явление нельзя объяснить случайными обращениями отдельных племен в христианства, имевшими место до IX века. Не умирает в жизни народов только то, что было некогда присуще всем» [1, 90]. Причем Кодзаев специально подчеркивает, что христианский субстрат прослеживается и в религиозной практике осетин-мусульман, которые «за исключением некоторых обрядовых разностей, веруют во всем согласно с осетинами-христианами» [1, 90]. «Одинаково и те и другие совершают празднества на развалинах древних христианских храмов и относятся к ним с величайшим уважением. Те и другие доселе свято чтут, как отметили писатели, день воскресный и крест Христов. На поклонение животворящему кресту Господню в настоящее время стекается все почти население в одно из ущелий Осетии — Даргавское, где, по верованиям осетин, в древности находился храм в честь креста Господня (Хуйцауи — дзуар). Как христиане, так мусульмане следуют христианскому летосчислению, в основе которого лежат христианские двенадцатые и другие праздники. Соблюдают посты христианские и др.» [1, 90].

Особенно явственны следы христианства в осетинском фольклоре. «Каждое божество осетинской религии имеет свою историю, представляющую смесь фантастических созданий с сюжетами священной истории и апокрифических рассказов. Эти сказания о божествах определяют собой представления осетин о происхождении мира, борьбе дьявола с Богом, рождении Спасителя, Его жизни, страданиях, победе над дьяволом и др. От лучших рассказчиков можно услышать также сведения о тех бедствиях, которые испытала церковь

Христова в первые века; наряду с этим прославляются герои, побеждающие врагов церкви и т. д.» [1, 91]. Испытала влияние христианской этики и традиционная нравственность — «Вся народная мудрость, обуславливающая взаимные отношения осетин друг к другу, в главных чертах воспроизводит евангельские наставления и вообще сходна с христианской моралью; в особенности это сходство выражается в пословицах и поговорках...» [1, 91]

Таким образом, Кодзаев указывал на факт состоявшейся евангелизации всего населения Алании, настаивал на глубине и особой проникновенности христианского влияния на культуру алан-осетин. «Некогда процветавшее христианство в Осетии оставило крупные следы и... продолжает существовать и влиять на все стороны жизни» [1, 91].

Миссия Русской православной церкви должна была опираться на этот внушительный слой христианской культуры. «Раскрытие и развитие в жизни народа этих христианских остатков, бессознательно содержимых народом, — вот, по нашему мнению, ближайшая цель миссии христианской, к которой призываются все те, кому дорога родная христианская старина и торжество православия...» [1, 91]

Свои выводы историк дополнил замечательным обзором «вещественных памятников христианской старины»: средневековых археологических памятников, рассматриваемых на всем пространстве исторической Алании. Выделены области миссионерства Грузии в горной зоне Центрального Кавказа и западные области Северного Кавказа,

где «выступает господство греческого стиля и письма» [1, 96]. Это территории византийского миссионерства, здесь располагались развалины древних соборов Аланской епархии. Подробный обзор еще раз свидетельствовал о том, «как прочно насаждено было христианство в период Аланской митрополии» [1, 102]. Алания выступала как органичная часть византийского православного культурно-цивилизационного пространства. «Вместе с христианством проникли из этих стран: письменность, иконописная техника, архитектурный стиль и др. Словом, страна была в полном смысле христианской» [1, 103].

Древняя культурно-религиозная традиция показала свою жизнеспособность, и с середины XVIII в. «снова возжен светильник христианской веры в Осетии...» [1, 101]

Итак, в первой специализированной монографии по истории Осетии А. Н. Кодзаев попытался представить целостную картину истории аланского православия, а также охарактеризовать мифологию и эпос, традиционную религиозную систему осетин. Автор отстаивал положение о глубоком проникновении христианства в ткань культуры аланского общества, евангелизации населения средневековой Алании ставшей частью византийского цивилизационного пространства.

Христианство, проходящее через всю историю алан с начала новой эры, является важнейшим компонентом осетинской духовно-культурной традиции. Оно должно стать основой современного развития осетинского этноса, его культуры — таков вывод историка и просветителя.

1. Кодзаев А. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.
2. Айларова С. А. О жизни и творчестве первого осетинского историка Александра Кодзаева // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2019. Вып. 21. С. 5-20.
3. Айларова С. А., Тотаева Д. Э. Дискуссия о церковно-приходских школах в терской печати (нач. XX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2019. Вып. 4. С. 12-18.
4. Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века (1903-1917 гг.). Орджоникидзе, 1968.
5. Чеджемов С. Р. Правовая культура и образовательная политика в Осетии в период трех революций (на материалах осетинского народа). Владикавказ, 2011.
6. Блейх Н. О. Социокультурные аспекты развития просветительства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2008.
7. Авдольян В. В. О педагогико-просветительской деятельности А. Н. Кодзаева // Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность. Владикавказ, 2014. С. 266-272.
8. Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.
9. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1890 год. Тифлис, 1891.
10. Адрес-календарь. Министерство народного просвещения // Терский календарь на 1909 год. Владикавказ, 1909. Вып. 18.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 286. Оп. 1. Д. 21.
12. Прокопенко Р. Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX — начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011.
13. Крутицкая Е. В. Церковно-приходские школы России в конце XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
14. Хроника // Этнографическое обозрение. М., 1906. № 1. С. 173-174.
15. Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиция. М., 2014.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 147. Оп. 1. Д. 54.
17. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002.
18. Пфаф В. Б. Материалы для древней истории Осетии // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870-1871. Вып. IV-V.
19. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. 1871-1872. Вып. 1-2.
20. Пфаф В. Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. 1872. Вып. 2. С. 80-144.
21. Клапрот Г.-Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан // Аланы и Кавказ. Владикавказ — Цхинвал, 1992. С. 233-238.
22. Шёгрэн А. М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Т. Т. Камболов Владикавказ, 1998.

23. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1887. Ч. III.
24. Миллер В. Ф. Черты старины в сказаниях и быту осетин // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Кн. VIII. Ч. ССХХIII. С. 196-206.
25. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 43-164.
26. Кулаковский Ю. А. Христианство у алан // Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 165-192.
27. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.

Ailarova, Svetlana A. — V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); aylarova54@mail.ru

HISTORY FORMS IDENTITY: ALAN ORTHODOX IN A. KODZAEV'S BOOK "ANCIENT OSSETIANS AND OSSETIA"

Keywords: North Caucasus, Alania, A.N. Kodzaev, Orthodoxy, Alanian Metropolitanate, popular Christianity.

A. N. Kodzaev's book «Ancient Ossetians and Ossetia» (1903) was the first specialized monograph on the history of Ossetia. The author, responding to the social request of Ossetian society, embarked on the path of national consolidation, tried to present a holistic picture of the history of the ancestors of the Ossetians, the history of Alanian Christianity, as well as the historiography of Ossetia, epic, mythology, and traditional religious system. Kodzaev relied on the rich historiography of the history and culture of the Alan-Ossetians, the works of V.F. Miller, M. M. Kovalevsky, V. B. Pfaf, Yu. A. Kulakovsky, and ethnographic and religious literature, which were accumulated by the beginning of XX century. Kodzaev characterizes the traditional religious system of Ossetians, ancient Iranian monotheism, writes about the correlation in the spiritual culture of Ossetians both traditional religion and Christianity. Following Miller, the author draws interesting parallels between the Nart epic and information from written sources about the Iranian ancestors of Ossetians. The book presents the history of Alan Orthodoxy, proposes the scientific periodization of the Christianization of the Alans. Kodzaev formulated a fruitful thesis about the deep connection and interdependence of the formation and development of the Alanian statehood and Alanian Orthodoxy in the X-XV centuries. The author defends the position on the deep penetration of Christianity into the tissue of culture of the Alanian society, the evangelization of the population of medieval Alanya, which became part of the Byzantine cultural and civilizational space. Various sources cited by the author testify to the degree of Christianization of the Alanian population: written, data from archeology, ethnography and folklore. The high status of the Alanian diocese, which has become a metropolis, reflected in the notices of the Byzantine Patriarchate, monumental temple construction, writing, Christian fine art — all testify to the flourishing Christian society and the Alan state in the Middle Ages. Christianity, passing through the entire history of the Alans from the beginning of a new era, is an essential component of the Ossetian spiritual and cultural tradition. It should become the basis for the modern development of the Ossetian ethnic group and its culture — such is the conclusion of the historian and enlightener.

REFERENCES

1. Kodzaev, A. *Drevnie osetiny i Osetiya* [Ancient Ossetians and Ossetia]. Vladikavkaz, Tipografiya R. Segal' i synov'ya, 1903. 108 p.

2. Ailarova, S. A. *O zhizni i tvorchestve pervogo osetinskogo istorika Aleksandra Kodzaeva* [On the life and work of the first Ossetian historian Alexander Kodzaev]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. Young Scientists School]. 2019, iss. 21, pp. 5-20.

3. Ailarova, S. A., Totaeva D. E. *Diskussiya o tserkovno-prikhodskikh shkolakh v terskoi pechati (nach. XXv.)* [Discussion about parochial schools in the Terek press (beginning of the 20th century)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University]. 2019, iss. 4, pp. 12-18.

4. Totoev, M. S. *Ocherki istorii kul'tury i obshchestvennoi mysli v Severnoi Osetii v nachale XX veka (1903-1917 gg.)* [Essays on the history of culture and social thought in North Ossetia at the beginning of the 20th century (1903–1917)]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 288 p.

5. Chedzhemov, S. R. *Pravovaya kul'tura i obrazovatel'naya politika v Osetii v period trekh revolyutsii (na materialakh osetinskogo naroda)* [Legal culture and educational policy in Ossetia during the period of three revolutions (based on the materials of the Ossetian people)]. Vladikavkaz, 2011.

6. Bleikh, N. O. *Sotsiokul'turnye aspekty razvitiya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XVIII — nachalo XX vv.)* [Sociocultural aspects of the development of enlightenment in the North Caucasus (second half of the 18th — early 20th centuries)]. Thesis abstract of the doctoral dissertation (in History). Vladikavkaz, 2008.

7. Avdolyan, V. V. *O pedagogiko-prosvetitel'skoi deyatel'nosti A. N. Kodzaeva* [On A. Kodzaev's pedagogical activities]. *Kavkaz v gody Pervoi mirovoi voyny: geroika i povsednevnost'* [The Caucasus during the First World War: heroics and everyday life]. Vladikavkaz, 2014, pp. 266-272.

8. Totoev, M. S. *Ocherki istorii kul'tury i obshchestvennoi mysli v Severnoi Osetii v poreformennyi period* [Essays on the history of culture and social thought in North Ossetia in the post-reform period]. Ordzhonikidze: Sev. Oset. kn. izd-vo, 1957. 364 p.

9. *Otchet Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1890 god* [Report of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus for 1890]. Tiflis, 1891.

10. *Adres-kalendar». Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya* [Address calendar. Ministry of Public Education]. *Terskii kalendar» na 1909 god* [Terek calendar for 1909]. Vladikavkaz, 1909, iss. 18.

11. *Tsentrал»nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-A (TsGA RSO-A)* [Central State Archive of RNO-A (CSA RNO-A)]. Fund 286. Inventory 1. Case 21.

12. Prokopenko, R. G. *Tserkovno-prikhodskie shkoly v sisteme nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Rossii v XIX — nachale XX veka* [Parish schools in the system of primary public education in Russia in the XIX — early XX centuries]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in History). Pyatigorsk, 2011. 28 p.

13. Krutitskaya, E. V. *Tserkovno-prikhodskie shkoly Rossii v kontse XIX– nachale XX vv.* [Parish schools of Russia in the late XIX — early XX centuries]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in History). Moscow, 2004. 31 p.

14. *Khronika* [Chronicle]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1906, no. 1, pp. 173-174.

15. Mamiev, M. E. *Alanskoe pravoslavie: istoriya i traditsiya* [Alan Orthodoxy: history and tradition]. Moscow, SEM, 2014. 264 p.
16. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 147. Inventory 1. Case 54.
17. Güldenstädt, J. A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770-1773 gg.* [Traveling in the Caucasus in 1770-1773]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2002. 508 p.
18. Pfaf, V. B. *Materialy dlya drevnei istorii Osetii* [Materials for the ancient history of Ossetia]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis, 1870-1871, iss. IV-V.
19. Pfaf, V. B. *Narodnoe pravo osetin* [Ossetian popular law]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. 1871-1872, iss. 1-2.
20. Pfaf, V. B. *Etnologicheskie issledovaniya ob osetinakh* [Ethnological studies on Ossetians]. *Sbornik svedenii o Kavkaze* [Collection of information about the Caucasus]. 1872, iss. 2, pp. 80-144.
21. Klaproth, G.-J. *Doklad, v kotorom dokazyvaetsya identichnost» osetin, narodnosti Kavkaza, i srednevekovykh alan* [Report, which proves the identity of Ossetians, the Caucasian people, and the medieval Alans]. *Alany i Kavkaz* [Alans and the Caucasus]. Vladikavkaz — Tskhinval, 1992, pp. 233-238.
22. Sjögren, A. M. *Osetinskie issledovaniya. Sost. i perev. T. T. Kambolov* [Ossetian studies. Comp. and transl. by T. T. Kambolov]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 1998. 172 p.
23. Miller, V. F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian etudes]. Moscow, 1887, part III.
24. Miller, V. F. *Cherty stariny v skazaniyakh i bytu osetin* [Features of antiquity in the legends and life of Ossetians]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. 1882, book VIII, part CCXXIII, pp. 196-206.
25. Kulakovsky, Yu. A. *Alany po svedeniyam klassicheskikh i vizantiiskikh pisatelei* [Alans according to information from classical and Byzantine writers]. *Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii. Sost. i komment. S. M. Perevalova* [Selected works on the history of the Alans and Sarmatia. Comp. and comments by S. M. Perevalov]. St. Petersburg, Aleteiya, 2000, pp. 43-164.
26. Kulakovsky, Yu. A. *Khristianstvo u alan* [Christianity of the Alans]. *Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii. Sost. i komment. S. M. Perevalova* [Selected works on the history of the Alans and Sarmatia. Comp. and comments by S. M. Perevalov]. St. Petersburg, Aleteiya, 2000, pp. 165-192.
27. Kuznetsov, V. A. *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV veka* [Christianity in the North Caucasus until the 15th century]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 159 p.